

Екатерина Регурецкая
(Калининград)

ТЕМА ДЕТСТВА В ПОВЕСТИ БРУНО ШУЛЬЦА «КОРИЧНЫЕ ЛАВКИ»

Анализируется автобиографическая повесть Бруно Шульца «Коричные лавки» в аспекте мифологического мышления. Утверждается, что основой его мифотворчества стал концепт «детство», содержание которого во много определяется авторскими воспоминаниями об отце и других обитателях дома.

Ключевые слова: *Бруно Шульц, художественный текст, жанр, литературные воспоминания, концепт «детство», миф, «гениальная эпоха», женское и мужское начала.*

«*К*оричные лавки» — это своеобразный художественный документ, описывающий авторскую мифологию детства, сборник «магических» воспоминаний ребенка, воссозданных через много лет писателем. Детские воспоминания подверглись вторичной трансформации в сознании взрослого рассказчика с его странностями, эротическими комплексами, а также мифом отца, «борющимся, словно Дон Кихот, с постоянной американизацией Дрогобыча» [6, s. 31].

Герой произведения «Коричные лавки» — Юзеф (рассказчик, ребенок), возраст которого не упоминается. Между несовершеннолетним лирическим героем, воспринимающим действительность сквозь призму мифа, и нарратором, облакающим воспоминания в слова, су-

ществует временная дистанция в несколько десятилетий. Герой, такой, каким он изображен в повести, — это очень чуткий и впечатлительный ребенок, который эмоционально переживает все события в семье и в городе.

Детство писателя стало важным стимулом для его последующей творческой деятельности. Любовь и межличностные отношения приобрели в его творчестве смысл мифических знаков. Детство позволяет писателю обратиться к первоосновам бытия. Как писал о Шульце Е. Фицовский: «Детство было для писателя идеальным временем, в которое он вернулся в своих произведениях. В детстве он видел источник преобразования природы человека, который в процессе взросления утратил способность возвращения к мифическим временам» [3, s. 15].

Как известно, детский взгляд на мир отличается высокой степенью непосредственности и искренности восприятия окружающей действительности: каждому новому впечатлению, каждому испытанию сопутствует воображение, на каждом шагу рождаются мифообразы. Став взрослым, человек возвращается в свое детство, стирающее границы между сном и явью. Складывается ощущение, что при создании повести «Коричные лавки» Шульц был полностью погружен в то время и пространство, о котором он писал, он жил детством, самым счастливым и запоминающимся для него временем. В письме Анджею Плецкевичу, написанном в 1936 году, Шульц заметил: «То, что Вы говорите о нашем искусственно продленном детстве — о незрелости, — меня немного дезориентирует. Поскольку мне кажется, что этот вид искусства, который мне близок, является именно регрессией, возвращенным детством... Если бы только можно было каким-нибудь окольным путем вернуться в детство, еще раз пережить его полноту и необъятность — то это было бы реализацией “гениальной эпохи”. Только тогда это была бы полная зрелость» [7, s. 23].

Е. Фицовский по этому поводу замечает: «Тоска по ушедшему детству стара как мир. Но никто до сих пор не создал из этого начальной программы своего искусства и не воспел это в литературе в таком совершенстве... Шульц играет в литературе исключительную и неповторимую роль, он один из искателей утраченного времени: он не воссоздает воспоминания, не пишет некрологов по утраченному времени, он ностальгирует, возвращает время» [3, s. 14]. В этом суждении исследователя есть прозрачная аллюзия на Марселя Пруста: это мотив поиска не только «утраченного времени», но и утраченного пространства детства; поиск и нахождение их в творчестве и через творчество,

через слово. Однако было бы не совсем правильно сводить оригинальное творчество Шульца к прустовским мотивам, и для понимания различий между писателями необходимо обратиться к шульцевской категории мифа. Будучи уже взрослым, Шульц констатирует: «Род искусства, который мне ближе всего, это и есть возвращение, второе детство. Если бы удалось обернуть развитие вспять, какой-то окольной дорогой еще раз пробраться в детство, снова пережить его полноту и неохватность, — это стало бы обретением «гениальной эпохи», «мессианской поры», которую сулят и которой клянутся все мифологии мира» [7, s. 20].

К. Стала замечал: «Это детство автора, но и также начало нового повествовательного искусства... Это своеобразная космогония, в которой заново создается целый мир, где вещи пробуждаются ото сна, события приобретают яркость, появляются символы, легенды» [8, s. 41]. Шульц мифологизирует любое, самое незначительное событие детства: прогулку с матерью по городу, визит к тете, радость от подаренной ему собачки, встречу с бродягой в саду, наблюдение за болезнью отца, описание города в разное время года и дня — в августовский полдень и зимнюю ночь.

Шульцевская категория мифа, связанная целиком с «гениальной эпохой», естественно, охватывает и семейные отношения. Э. Навроцкая отмечает: «Миф детства у Шульца простирается между миром мужчин и миром женщин, между невинностью и грешными манипуляциями, между великолепием, почти божественностью Отца — мага, демиурга, еретика и практичностью Матери. Эти два мира, мужской и женский, сильно противопоставлены друг другу. С тем, что является мужским, вяжутся душа, творчество, стремление, фантазия, поэзия, феерия красок. С тем, что является женским, — материя, апатия, лень, сонливость, бессилие и приземленный рассудок» [5, s. 10]. Это действительно так. С детства автор был окружен множеством женщин, которые имели влияние на него и на его отца. Отец смирился с тем, что именно женщины — полноправные хозяйки в доме, поэтому покорно принимал навязанные ими условия существования, и эти реальные взаимоотношения по-своему отпечатывались в сознании ребенка, но не без факта мифотворческого преобразования действительности.

Герой вспоминает места, образы, людей, которых он встречал когда-то, однако механизм его памяти часто изменяет реальность. Якуб (Иаков) — отец героя, владелец мануфактурной лавки в Дрогобыче; образ отца в глазах ребенка постоянно эволюционирует. Герой видит

в нем создателя «еретической доктрины», которую он провозглашает Аделе и молодым швеям в «Трактате о манекенах». Иаков замечает, что процесс творения принадлежит не только Богу, но и всем духовным существам. Вместе с тем, восхищаясь возможностями человеческой духовности, отец проявляет слабость — поддается доминирующей над ним Аделе, символу необузданной женственности, телесного, плотского начала. В рассказах, посвященных болезни отца, герой видит Иакова в образе ветхозаветного пророка и патриарха, разговаривающего с Богом. Но вскоре отец предстает и в образе владельца птичьего королевства. Во время нашествия тараканов Иаков постепенно принимает форму этих насекомых (в чем прослеживается кафковская аллюзия), исчезает из дома, впадает в беспамятство. В. Денисенко с полным основанием пишет: «Тема отца — это одна из самых ярких и значительных тем сборника рассказов Бруно Шульца “Коричные лавки”». С этим запоминающимся образом связаны самые разные области повествования, включающие библейско-мифологические, а также метафизические мотивы» [1, с. 3]. Имя отца — Иаков, являясь биографически достоверным (так звали отца Бруно Шульца), — в художественно-мифическом измерении повести выступает библейской аллюзией. Как известно, Иаков боролся с Богом, требуя благословить его. В схватке он повредил себе бедро, но Бог остался доволен его рвением. Иаков получил благословение и новое имя — Израиль («Борющийся с Богом») с напутствием: «...ты боролся с Богом, и человек одолевает будущее» (Быт. 32: 27, 28). Парадокс мифотворческого воображения ребенка-рассказчика заключается в том, что «борющийся с Богом» отец оказывается абсолютно безвольным и беспомощным перед женщиной.

В связи с этим заслуживает внимания утверждение А. Майхшак об интермедиальном, словесно-графическом преломлении образа отца в творческом сознании писателя: «Уже в самых ранних, сохраненных в памяти образах отец выступает как аскетично истощавшая, сторбленная фигура с седеющей бородой. Таким мы видим его в позднее созданных рисунках, таким видим его и в прозе: хозяйничающим в магазине, занятым вопросами метафизики, предстающим в роли мага или демиурга» [4, с. 24].

Значимым для содержательной архитектоники повести является мотив фактического отсутствия отца, о чем сказано в начальном абзаце воспоминаний, при его обязательном вербальном присутствии на страницах художественного текста: «В июле отец мой уезжал на воды,

оставляя меня, мать и старшего брата на произвол белых от солнца, ошеломительных летних дней. Замороченные светом, листали мы огромную книгу каникул, все страницы которой полыхали сверканьем, сберегая на дне сладостную до обморока мякоть золотых груш» [2, с. 22]. Таким образом, уже в самом начале текста предвосхищается трагический мотив смерти отца в реальном мире, сопровождаемый обратным по смыслу мотивом его воскресения в мифическом пространстве и времени произведения. Е. Фицовский отметил: «Смерть Иакова Шульца – отца Бруно – в 1915 году была сильнейшим ударом для тридцатидвухлетнего сына, ударом, который навсегда закрыл “счастливую эпоху” его жизни» [3, с. 15].

Свою мать главный герой вспоминает лишь однажды, она обращает на себя внимание сильным и властным характером, который подавляет отца. Ее звали (и в реальном, и в художественно-мифическом мире) Генриетта. В отличие от мужа она, дородная и полная женщина, была единственной, кому удавалось сглаживать беспорядки и скандалы в доме. Присутствие матери в доме служило залогом безопасности и обеспечивало стабильность в доме. Много лет она посвятила опеке над больным мужем и заботе о маленьком сыне. Характерно, что образ матери занимает периферийное положение в мифотворческом воображении рассказчика, а одной из центральных фигур, своего рода «злым гением» в авторской мифологической картине мира выступает Аделя, служанка в доме героя, которая является для отца символом женственности, доминирующей над мужчинами. «Мать не имела над ним никакой власти, зато огромным уважением и вниманием он дарил Аделью... со смесью страха и сладостного трепета наблюдая за всеми действиями Адели, которым придавал какой-то глубокий символический смысл» [2, с. 19]. Аделя очаровывает и одновременно уничтожает мир отца, вводя свои порядки в птичьем королевстве, – ср.: «...Взметнулась адская туча перьев, крыльев и крика, в которой Аделя, подобная безумной Менаде, сокрытой за мельницей своего тирса, плясала танец уничтожения» [2, с. 20]. Такое сравнение служанки с менадой не является случайным, поскольку менада переводится с древнегреческого как «безумствующая, неистовствующая», – именно эти спутницы и почитательницы Диониса убивали животных и пили их кровь, тирсами они сокрушали все на своем пути, выбивая из скал молоко и мед. В этой ситуации мужское (отцовское) начало выступает как созидательное, доброе и вместе с тем слабое (отец является покровителем птиц, но не может их защитить от Адели), женское же начало в лице Адели – как сильное, демоническое и деструктивное.

Память ребенка избирательна, она охватывает не всю реальность, а лишь то, что когда-то было важным и запоминающимся, и именно эти события автор мифологизирует и трансформирует в собственной памяти. Он гиперболизирует одни эпизоды и одновременно преуменьшает значение других; одни эпизоды приобретают в его сознании глобально-космический смысл, другие, наоборот, приуменьшаются или даже вовсе теряются во времени. Это механизм постоянных преобразований «материи» памяти, эти психологические процессы определяют метаморфозы, которые переживают реальные люди в «Коричных лавках» Шульца. Именно поэтому каждый рассказ в составе повести посвящен какому-нибудь запоминающемуся событию или человеку из прошлого. Таким событием может быть прогулка по модернизированной улице Крокодилов с ее магазинами и лавками («Улица Крокодилов»), небольшой эпизод, связанный с неожиданной встречей в старом саду с мужчиной, справляющим нужду («Пан»).

Все это позволяет сделать вывод, что источником создания авторского мифа детства в творчестве Шульца послужили реальные люди и отношения, которые не только отражались, но и пересоздавались в творческом воображении ребенка. В центре этого художественного мифа находился, несомненно, образ отца, несущий в себе библейский архетипический смысл. И изображение взаимоотношений отца с женщинами в близком к мифу сознании ребенка, а впоследствии и самого Шульца характеризуется контаминацией библейских и античных мотивов.

Список литературы

1. Денисенко В. Тема отца в Коричных лавках. URL: http://samlib.ru/d/denisenko_w_a/shulc.Shtml (дата обращения: 24.04.2015).
2. Шульц Б. Коричные лавки / пер. А. Эшпеля. М., 1993.
3. Ficowski J. Regiony wielkiej herezji: Rzecz o Brunonie Schulzu. Warszawa, Słowo, 1992.
4. Majchrzak A. Nowatorstwo przez regres. Brunona Schulza poszukiwania sensów straconych (Język, obraz, konstytuowanie rzeczywistości). Poznań, 2007.
5. Nawrocka E. O opowiadaniach Brunona Schulza. Gdańsk, 1994.
6. Rzehak W. Bruno Schulz. Sklepy cynamonowe. Kraków, 2009.
7. Schulz B. Opowiadania. Wybór esejów i listów // opracował J. Jarzębski ; wydanie drugie, przejrzane i uzupełnione. Wrocław, 1998.
8. Stala K. Na marginesach rzeczywistości: o paradoksach przedstawiania w twórczości Brunona Schulza. Warszawa, 1995.

9. Менады // Энциклопедия мифологии : [сайт]. URL: <http://godsbay.ru/antique/maenads.html> (дата обращения: 12.12.2014).

Ekaterina Reguretskaya

**THE MOTIF OF CHILDHOOD IN BRUNO SCHULZ'
S NOVEL CINNAMON SHOPS**

This article analyses Bruno Schulz's autobiographical novel Cinnamon Shops in the aspect of mythological thinking. It is stressed that the concept of 'childhood' is the foundation of his mythopoeia largely shaped by the author's memories of his father and other members of the household.

Key words: *Bruno Schulz, literary text, genre, literary memoirs, concept of 'childhood', myth, 'brilliant era', male and female elements.*